

Рибо Теодюль

**Память в ее нормальном и
болезненном состояниях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Т33

Т33 **Теодюль Р.**
Память в ее нормальном и болезненном состояниях / Рибо Теодюль – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 168 с.

ISBN 978-5-519-80662-6

Заглавие оригинала: Les maladies de la volonté, Переведено также под загла-
вием: Болезни воли

ISBN 978-5-519-80662-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Поставивъ на такую точку зрѣнія нашу задачу, мы должны изучить общую фвізіологію и общую психологію памяти, а также и ея патологию. Всѣ болѣзненные явленія и разстройства, наблюдаемыя въ этомъ процессѣ, будучи правильно сгруппированы и изучены, перестанутъ представлять изъ себя курьезные факты и занимательные анекдоты, о которыхъ говорится шути. По внимательномъ изученіи мы убѣдимся, что всѣ подобные случаи подчиняются извѣстнымъ законамъ, которые являются сущностью процесса памяти и помогаютъ узнать его механизмъ.

I. Память органическая (фвізіологическая). Мѣсто- пребываніе памяти. Измѣненія нервныхъ элемен- товъ. Динамическія ассоціаціи между этими элемен- тами.

Подъ словомъ память обыкновенно понимаютъ слѣдующія три свойства субъекта: 1) сохраненіе имъ извѣстныхъ состояній, 2) воспроизведеніе ихъ и 3) локализацию ихъ (т. е. помѣщеніе ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ въ прошломъ). Но на самомъ дѣлѣ совокупность этихъ свойствъ составляетъ только извѣстный видъ памяти, который называется полной памятью. Взятые въ отдѣльности эти элементы памяти имѣютъ различное значеніе: два первые очень важны, третій, обыкновенно называемый „узнаваніемъ“ предмета, завершаетъ процессъ, но не входитъ въ составъ его. Если отнять два первые элемента, то исчезаетъ сама память; если же отнять только третій, то память, переставъ существовать для самой себя, продолжаетъ существовать въ самой себѣ. Послѣдній элементъ, исключительно психологическій, какъ бы добавляетъ собой два первые; въ то время, какъ тѣ—постоянны, онъ непостояненъ, не обязателенъ и есть ни больше, ни меньше, какъ извѣстная степень участія сознанія въ процессѣ памяти.

Если мы, подобно нашимъ предшественникамъ, станемъ считать память за „отдѣльную способность души“ и изучать ее только посредствомъ самонаблюденія, то непремѣнно придемъ къ убѣжденію, что процессъ этотъ составляетъ совершенную, сознательную форму его проявленія, — и такимъ образомъ, употребляя плохой методъ наблюденія, часть примемъ за цѣлое, или вѣрнѣе видъ за родъ. Современные ученые (Гексли, Клиффордъ, Маудсли и др.), считающіе сознание только спутникомъ извѣстныхъ нервныхъ процессовъ и приходящіе къ заключенію, что сознание „такъ же не способно оказывать вліяніе на эти процессы, какъ тѣнь на шаги пѣшехода“, дали возможность пробиться новой теоріи, которую мы постараемся провести въ настоящемъ трудѣ. Не будемъ пока обращать вниманія на психическій элементъ и возвратимся къ нему только въ послѣдствіи; а теперь постараемся свести нашу задачу къ простѣйшимъ даннымъ и посмотримъ: какимъ образомъ безъ участія сознанія происходитъ въ организмѣ воспріятіе, сохраненіе и воспроизведеніе какого-нибудь состоянія, т. е. посмотримъ, какъ образуется память безъ помощи сознанія.

Прежде чѣмъ заняться собственно органической памятью, мы должны сказать о нѣкоторыхъ фактахъ, которые иногда съ нею сравнивались. Такъ, находили аналогіи памяти въ явленіяхъ неорганической природы, именно „въ способности свѣтовыхъ колебаній втеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени сохраняться на листѣ бумаги въ скрытомъ состояніи, изъ котораго ихъ можно вывести посредствомъ извѣстныхъ реагентовъ. Гравюры, подвергнутыя вліянію солнечныхъ лучей и затѣмъ сохранявшіяся въ темнотѣ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ будучи подвергаемы дѣйствію специальныхъ реактивовъ, обнаруживаютъ слѣды фотографическаго вліянія солнца на ихъ поверхность“^{*)}.

*) Луиз, Le cerveau et ses fonctions, стр. 106.

Если на листъ бѣлой бумаги положить ключъ, подвергнуть бумагу дѣйствию солнечныхъ лучей и затѣмъ спрятать въ темный ящикъ, то даже по прошествии нѣсколькихъ лѣтъ на листѣ сохранится изображение ключа *). Мы думаемъ, что какъ эти, такъ и другіе подобныя факты имѣютъ слишкомъ отдаленную аналогію съ памятью, а потому имъ нельзя придавать большого значенія въ этомъ вопросѣ. Въ нихъ мы видимъ только первое условіе памяти, а именно сохраненіе полученнаго состоянія, воспроизведеніе же вполне зависитъ отъ посторонняго агента, слѣдовательно совершенно пассивно и не можетъ имѣть ничего общаго съ естественнымъ воспроизведеніемъ воспоминаній. Кромѣ того мы постоянно должны помнить, что имѣемъ дѣло съ живыми, а не физическими законами, и что основы памяти надо искать только въ свойствахъ организованной матеріи. Впослѣдствіи мы сами убѣдимся, что игнорированіе этого основнаго положенія можетъ повлечь за собой ложные выводы.

Я не останавливаюсь на такъ называемыхъ привычкахъ растений, въ которыхъ также искали сходства съ памятью, а перехожу прямо къ болѣе доказательнымъ фактамъ.

Въ животномъ царствѣ, мышечная ткань даетъ намъ первый примѣръ способности матеріи приобретать новыя свойства, сохранять ихъ и автоматически воспроизводить. „Ежедневный опытъ“, говоритъ Герингъ, „доказываетъ намъ, что сила волякаго мускула увеличивается соотвѣтственно увеличенію его работы. Мышечное волокно, вначалѣ слабо отвѣчающее на раздраженія, передаваемые двигательнымъ нервомъ, мало по малу реагируетъ сильнѣе, если раздраженія производятся чаще; при этомъ необходимо, чтобы работа мышцы время отъ времени прекращалась, и она могла бы отдыхать. По исполненіи какой-нибудь работы мускулъ дѣлается

*) G. H. Lewes, Problems of life and mind, third series, стр. 57.

болѣе способнымъ къ ней; повторить какое угодно движеніе легче, чѣмъ одѣлать въ первый разъ, — слѣдовательно упражненіе облегчаетъ воспроизведеніе органическихъ процессовъ. Для мышцы гораздо болѣе необходима дѣятельность, чѣмъ покой. Это явленіе въ наиболѣе простой и подходящей къ фп-ическимъ условіямъ формѣ даетъ примѣръ той способности воспроизведенія, которая такъ сложно выражена въ нервномъ веществѣ. Все, что мы знаемъ о мышечной ткани, болѣе или менѣе рѣзко замѣчается и въ тканяхъ другихъ органовъ. Повсюду функциональная способность органа улучшается тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще онъ находится въ дѣйствіи, причемъ дѣятельность его должна иногда прерываться отдыхомъ“ *).

Самая совершенная ткань животного организма — нервное вещество — представляетъ высшую степень развитія этихъ двухъ свойствъ сохраненія и воспроизведенія. Но нельзя видѣть типъ органической памяти въ самомъ простомъ видѣ нервной дѣятельности — въ рефлекторномъ актѣ. Рефлексъ является результатомъ извѣстнаго анатомическаго расположенія, независимо отъ того, входитъ ли въ составъ его одно или нѣсколько сокращеній, вызванныхъ соответствующимъ раздраженіемъ. Конечно, можно предположить съ нѣкоторой вѣроятностью, что анатомическое расположеніе, свойственное въ настоящее время животному, есть результатъ насолдственности и представляетъ особый видъ памяти, — что расположеніе это было нѣкогда приобрѣтено, затѣмъ мало по малу укоренилось и стало существеннымъ свойствомъ организма, благодаря постояннымъ повтореніямъ. Итакъ не будемъ защищать нашего положенія посредствомъ этого аргумента, такъ какъ оно можетъ быть доказано менѣе спорными основаніями.

*) Hering, Ueber das Gedächtniss als allgemeine Function der organisirten Materie. Vortrag, etc. 2-e Aufl. Wien. Gerold's Sohn. 1876, p. 13.

Истинный типъ органической памяти,—здѣсь мы говоримъ о самомъ главномъ вопросѣ нашей задачи, — слѣдуетъ искать въ ряду фактовъ, удачно названныхъ Гартлеемъ вторичными автоматическими движеніями (*secondarily automatic*), въ противоположность прирожденнымъ или первичнымъ автоматическимъ движеніямъ. Эти вторичныя (пріобрѣтенныя) автоматическія движенія играютъ главную роль въ нашей повседневной жизни. Такъ, способность къ передвиженію (*locomotio*), которая бываетъ прирожденной у многихъ низшихъ животныхъ, у человека является только постепенно, и особенно способность координаціи движеній, благодаря которой постоянно сохраняется равновѣсіе нашего тѣла при помощи совокупности осознательныхъ и зрительныхъ впечатлѣній. Слѣдовательно, можно сказать, что члены и органы чувствъ зрѣлаго человека функционируютъ необыкновенно легко только при совокупности пріобрѣтенныхъ и координированныхъ движеній, при помощи которыхъ для каждой части тѣла опредѣляется отдѣльная память, служащая какъ бы капиталомъ, благодаря которому существуетъ организмъ, имъ распоряжающійся подобно тому, какъ разумъ живетъ и дѣйствуетъ сообразно съ прежними опытами. Къ этой же группѣ относятся и всѣ тѣ носящія уже искусственный характеръ движенія, которыя опредѣляютъ технику какого-нибудь ремесла, гимнастическую ловкость, ловкость въ различныхъ играхъ и т. п.

Исслѣдуя такимъ образомъ вторичныя автоматическія движенія вырабатываются, фиксируются и воспроизводятся, мы придемъ къ тому заключенію, что въ началѣ эта работа сводится къ образованию ассоціацій. Первоначальный матеріалъ получается отъ первичныхъ, простыхъ рефлексовъ: они группируются извѣстнымъ образомъ и комбинируются при помощи исключенія. Сначала втеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, работа эта происходитъ какъ-то неувѣренно. Тѣ

движенія, которыя мы обыкновенно считаемъ совершенно естественными, усваиваются съ большимъ трудомъ. Солнечный лучъ, впервые достигающій зрѣніи новорожденнаго, заставляетъ его произвести рядъ нестройныхъ движеній; но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль является координація движеній, ребенокъ можетъ смотрѣть по одному направленію, фиксировать свѣтащійся предметъ и слѣдить за нимъ. Любопытно говорить, что ребенокъ начинающій писать, совершенно не можетъ производить движеніе только рукой,—онъ двигаетъ обыкновенно и языкомъ, и мускулами лица, и даже ногой; но мало по малу онъ перестаетъ дѣлать эти излишнія движенія. Производя какое-нибудь мышечное движеніе, впервые мы употребляемъ на него слишкомъ много энергии и только съ теченіемъ времени приучаемся сохранять ее. Съ помощью упражненія мы привыкаемъ производить тоѣ необходимыя движенія и исключать безполезныя. Вторичныя, динамическія ассоціаціи (т. е. память) вырабатываются въ нервныхъ элементахъ соотвѣтственно двигательнымъ органамъ и комбинируются съ первичными и постоянными анатомическими ассоціаціями.

Если читатель обратитъ вниманіе на эти вторичныя автоматическія движенія, извѣстныя каждому, то убѣдится, что органическая память имѣетъ много общаго съ психологической памятью, отличаюсь отъ этой послѣдней лишь отсутствіемъ сознанія. Теперь мы можемъ резюмировать указанныя свойства; тогда станетъ совершенно ясно полное сходство обоихъ видовъ памяти.

Процессъ усвоенія происходитъ иногда быстро, иногда медленно. Для этого процесса иногда бываетъ необходимо повтореніе извѣстнаго движенія, иногда же оно вовсе излишне. Органическая память принимаетъ различныя оттѣнки въ зависимости отъ индивидуальности: у нѣкоторыхъ она отличается быстрымъ усвоеніемъ, у другихъ—медленнымъ, и бывають случаи, когда она совершенно

отсутствуетъ (напр. неловкость есть ничто иное, какъ слѣдствіе плохой органической памяти). У однихъ двигательныя ассоціаціи запечатлѣваются крѣпко, у другихъ же онѣ скоро исчезаютъ. Эти двигательныя акты группируются, подобно сознательнымъ воспоминаніямъ, въ одновременныя и послѣдовательныя ряды. Здѣсь замѣчательно, что каждый членъ извѣстнаго ряда вызываетъ слѣдующій за нимъ; это можемъ видѣть въ нашей ходьбѣ, когда мы вовсе не думаемъ о томъ, что идемъ, а между тѣмъ дѣлаемъ правильные шаги. Пѣхотный солдатъ и кавалеристъ верхомъ могутъ двигаться въ полуснѣ, все время не нарушая равновѣсія. Поразительный случай этой органической способности послѣдовательнаго вызванія мышечныхъ актовъ рассказываетъ Карпентеръ *), говоря объ одномъ піанистѣ, который во снѣ исполнилъ фортепіанную пьесу; фактъ этотъ скорѣе всего можно объяснить участіемъ мышечнаго чувства, помогавшаго послѣдовательному ходу движеній. Не будемъ искать необыкновенныхъ случаевъ, а укажемъ только на движенія очень сложные и опредѣленные, которыя можемъ наблюдать постоянно,—это движенія, которыхъ начало и конецъ строго опредѣлены и сроки, различные между собою, чередуются въ извѣстномъ постоянномъ порядкѣ; примѣромъ такихъ движеній могутъ служить восхожденіе и нисхожденіе по знакомой намъ лѣстницѣ. Психологическая память въ данномъ случаѣ не обращаетъ вниманія на число ступенекъ, а органическая узнаетъ это по своему такъ же, какъ и расположеніе этажей, площадокъ и прочія подробности; и въ этомъ она никогда не дѣлаетъ ошибки. И такъ мы должны согласиться, что эти строго опредѣленные ряды органической памяти вполнѣ сходны съ ассоціаціями памяти психологической, посредствомъ которыхъ мы можемъ вспоми-

*) Mental Physiology, стр. 76. § 71.

нать цѣлыя фразы, стихи или какую-нибудь музыкальную арію.

Такимъ образомъ органическая память по способу усвоенія, сохраненія и воспроизведенія совершенно тождественна съ памятью психологической, и все различіе между ними заключается въ отсутствіи у первой сознанія. Но первоначально и двигательная функція сопровождается сознаніемъ, и только съ теченіемъ времени оно изглаживается. Иногда бывають случаи, очень замѣчательные, когда сознаніе исчезаетъ внезапно. Одинъ субъектъ, который по временамъ терялъ сознаніе, обыкновенно продолжалъ то движеніе, которое началъ до своего припадка; однажды, продолжая идти впередъ, онъ упалъ въ воду. Онъ былъ башмачникомъ, и часто во время потери сознанія ранилъ пальцы свои шиломъ, представляя, что шьетъ сапоги *). Аналогичные факты наблюдаются часто и при эпилептическомъ головокруженіи, называемомъ „*petit mal*“. Одинъ скрипачъ, игравшій въ оркестрѣ, былъ подверженъ эпилептическимъ головокруженіямъ, заключающимся въ мгновенной потерѣ сознанія; припадки эти часто случались съ нимъ во время исполненія пьесы. „Не смотря на это, онъ продолжалъ играть, соблюдая тактъ, хотя конечно не понималъ, что вокругъ него происходитъ, не могъ ни видѣть, ни слышать тѣхъ, кому аккомпанировалъ“ **).

Всѣ подобные случаи будто специально созданы для того, чтобы показать значеніе сознанія въ дѣлѣ памяти и то, что въ механизмѣ ея оно служитъ только добавочнымъ элементомъ.

Теперь у насъ возникаетъ вопросъ, какія модификаціи организма нужны для образованія памяти, и какія измѣненія происходятъ въ нервной си-

*) Карпентеръ. *Mental Physiology*, стр. 75.

**) Труссо, *Leçons cliniques*, t. II, XLI, § 2. Тамъ же приведено нѣсколько примѣровъ подобнаго рода. Мы вернемся къ нимъ при изложеніи патологіи памяти.

стемъ, когда уже окончательно вырабатывается известная группа движеній? Этотъ вопросъ, касающийся органическихъ основъ памяти, — послѣдній, который можно поставить, основываясь на фактахъ; если память органическая является общимъ свойствомъ животной жизни, а психологическая есть ничто иное, какъ частное проявленіе этого свойства, то ясно, что все, открытое нами относительно органической памяти, будетъ относиться и къ психологической (полной) памяти.

Въ этомъ изслѣдованіи мы неизбежно должны построить гипотезу. Но при этомъ будемъ стараться избѣгать грубыхъ ошибокъ и, не высказывая никакихъ апріористическихъ заключеній, придерживаться фактовъ и полагаться только на твердо установленныя данныя изъ области нервной физиологіи. При этомъ замѣтимъ, что наша гипотеза можетъ быть безпрестанно видоизмѣняема. Она поможетъ намъ составить нѣкоторое опредѣленное представленіе о томъ сложномъ процессѣ, которымъ обусловливается и поддерживается память, вмѣсто какой-нибудь фразы о процессахъ сохраненія и воспроизведенія, составляющихъ главные свойства памяти.

Первое, что мы сдѣлаемъ, — это рѣшимъ вопросъ, возникающій относительно мѣстопахожденія памяти. Въ настоящее время вопросъ этотъ не возбуждаетъ серьезныхъ споровъ. „Можно считать доказаннымъ“, говоритъ Бэббъ, „что возобновленное впечатлѣніе занимаетъ то же мѣсто, въ которомъ находится и впечатлѣніе первоначальное“. Для доказательства этого положенія можно произвести такой опытъ: мы упорно будемъ воображать предъ собой какой-нибудь яркій цвѣтъ и черезъ нѣсколько времени почувствуемъ утомленіе зрительнаго нерва. Часто случается, что когда мы продолжительное время смотримъ на какой-нибудь окрашенный предметъ, то является послѣдующее ощущеніе, которое заключается въ томъ, что мы продолжаемъ видѣть тотъ

же предметъ въ его прежнихъ очертаніяхъ, но окрашеннымъ въ дополнительной къ прежнему цвѣтъ. Возможно, что это явленіе имѣетъ много сходнаго съ процессомъ воспоминавія. Воспоминаніе также оставляетъ послѣ себя образъ, хотя не столь яркій. Такъ, если мы съ закрытыми глазами живо представимъ въ своемъ воображеніи какой-нибудь предметъ, ярко окрашенный, и, быстро открывъ глаза, обратимъ ихъ къ бѣлой поверхности, то на ней въ продолженіи короткаго времени увидимъ воображаемый нами предметъ, окрашенный въ дополнительный цвѣтъ. Явленіе это, говоритъ Вундтъ, примѣръ, котораго мы только что привели, убѣждаетъ въ томъ, что процессъ нервной дѣятельности въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, т. е. какъ при воспріятіи ощущеній, такъ и при воспоминаніи о нихъ *).

Въ пользу этого положенія существуетъ такое множество фактовъ и наведеній, что его можно считать за достовѣрное, и очень сильныя должны быть доводы, чтобы поколебать его. И дѣйствительно, вѣдь не существуетъ же единичной памяти, а есть только память множественная; точно также нѣтъ и какого-либо опредѣленнаго мѣстонахожденія памяти, а есть столько различныхъ мѣстъ, сколько различныхъ видовъ памяти! Воспоминаніе вовсе не находится, какъ часто говорятъ, „въ душѣ“,—оно пребываетъ въ мѣстѣ своего возникновенія, въ той или другой части нервной системы.

Установивъ это положеніе, мы яснѣе можемъ видѣти физиологическія условія происхожденія памяти. По нашему мнѣнію, условія должны быть слѣдующія:

1) Особенное замѣненіе, запечатлѣвающееся на нервныхъ элементахъ.

*) См. подробности; Bain, Les sens de l'intelligence, trad. Gazezelle, стр 304 и добавленіе Д.